

A scenic photograph of a coastline. In the background, a large, steep mountain covered in dense green forest rises from the water's edge. At the base of the mountain, a small town with several buildings is visible. In the foreground, the deep blue sea features two prominent, light-colored rock formations. The sky is a clear, pale blue.

Взросление

Виталий Юрьев

Виталий Юрьев

Взросление

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22059067

ISBN 9785448340468

Аннотация

Цикл из восьми рассказов, написанных в мягкой, реалистической манере и объединенных темой взросления. Трудности первой любви, чувства смятения, недовольства собой и окружающим миром, сложность принятия себя таким, какой ты есть, поиски собственного места в жизни – вот что волнует героев и тревожит, усложняя их внутреннюю жизнь.

Содержание

Прощание с летом	5
Детские шалости	24
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Взросление

Виталий Юрьев

© Виталий Юрьев, 2016

© Виталий Юрьев, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-4046-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прощание с летом

...Капля с тихим всплеском упала в незамутнённое сознание спящего, кругами разбегаясь по безмятежным водам сна. Напряжённо заворочались в голове первые, неосознанные мысли. Мальчик, колыхаясь в зыбком состоянии между сном и явью, точно со стороны наблюдал за своим неповоротливым умом, который слепо тыкался в разные стороны, тщетно сясь понять, – что же заставило его внезапно пробудиться. Когда мозг немного утомился от первого напряжения, мальчик попытался отогнать непрошенные мысли, вернуть состояние покоя и поскорее уснуть вновь.

– Андрюша! – звонко упала ещё одна капля, оказавшаяся чьим-то негромким окликом, сильнее разбудившим его. Но мальчику пока не хотелось просыпаться. Он настороженно притаился, в надежде, что больше его не окликнут и опасность бесповоротного пробуждения пройдёт мимо.

– Андрюша, вставай.

Он вдруг узнал бабушкин голос, понял, что зовут именно его. И наконец, вспомнил, что сам просил разбудить до рассвета. Тяжело приподнял голову от подушки. С трудом разнял слипающиеся веки. Заворочался... рука натолкнулась на что-то мягкое. Рядом, свернувшись клубком, спал котёнок. Отодвинув от себя маленький тёплый вертялый комочек, сел на кровати. Несколько мгновений был неподвижен,

осознавая себя и окружающий мир.

В доме висела глухая тьма. Было тепло и душно. Из ночной тишины различились первые безымянные звуки. В соседней комнате похрапывал дед. Через отворённое в ночь окошко, лился в комнату монотонный перезвон сверчка.

Нехотя расстался с уютной постелью. Натянул штаны и рубаху, подвернув длиннющие рукава. Побрёл, босиком, сквозь темноту комнат на крыльцо. Зажёг ночную лампу: в жёлтом абажуре забился испуганный мотылёк.

Положил в заплечную котомку шкарамбайку с червями и краюху хлеба, завёрнутую в кулёкданной. Взял заранее подготовленную удочку. Сунул ноги в дедовы сапоги, вышел на безлюдную улицу.

Его обступила объятая покоем деревушка. Вдруг где-то вдалеке залаяла собака. Прощebetала несколько нот невпопад всполошённая лаем птица, но тут же опомнившись, резко умолкла. И опять всё стихло.

Отправился в путь. Шагал вначале по большаку, – щебень мирно хрустел под ногами; затем свернул на широкую тропу и двинулся дальше по пустынному двору давно сгоревшего дома; под густыми ветвями вишен, яблонь и груш заброшенного сада; мимо провалившегося погребца, от которого тянуло сыростью и пахло плесенью; через густые кусты малины и смородины. Неспешно брёл вдоль ограждённых деревянными заборами огородов.

Большие сапоги приглушённо гопали по земле. Он всё

шёл, и ему казалось, что он уже давно идёт под звёздным небом, точно шагает на одном месте. И хотя озеро было не очень далеко, у него возникло ощущение, будто предстоит ему, среди оцепенелого безмолвия, путь в несколько десятков таких ночей.

Вдруг окружающий мир пришёл в движение. Притихли звезды. Месяц – ночной странник, отправился в собственное путешествие по млечному пути. Повис над левым плечом мальчика, сопровождая его в дороге. Идти вдвоём стало веселее.

Мальчик неспешно спускался в низину. Поток попутного тёплого воздуха внезапно подхватил его и понёс по тропе, к плакучим ивам, склонившимся над одиноким озером. Мимо него и над ним по земле поплыл туман, в разрывах которого виднелись искрящиеся осколки неба. Добродушно подмигивал из-под этого прохудившегося покрывала месяц.

Добравшись до зачарованного озера, мальчик вышел к любимому месту: расчищенной полянке среди плотных зарослей камыша, в тени раздвоенной ивы.

В воде мерцало отражение опрокинутого фиолетового неба. Заглянул в глаза озеру, пытаясь разглядеть рыбу в его тёмных глубинах. Вспыхнул свет, – упала, рассекая озёрную гладь, звезда; запечатлелась тонким шрамом в памяти мальчика.

За озером нечётко виднелось безмерное поле, дальний край которого тонул в сгустившейся тьме.

Мальчик наживил и закинул снасть. Сел на старую, влипшую в грязь, покрышку. Замер, сосредоточившись на едва видимом пёрышке поплавка, изредка отгоняя надоедливых комаров.

Вяло забрезжил день. Побледнел на небе месяц. Плавно гасли звезды – одна за другой. Седой свет неспешно растекался над землёй. Мутные образы становились чётче. Запели птицы, вначале несмело, потом всё громче и громче; в траве живее зазвенели сверчки. Из деревни донеслась отдалённая переключка петухов и собак.

Чуть курился пар над озером; обездвижено стоял камыш. Ивы бесшумно полоскали длинные ветви в воде. Деревья и травы, в помалу густеющих оттенках, отражались на зелёной воде. Пахло свежестью.

Рыба не клевала. Внимание мальчика привлекла лягушка, напряжённо сидевшая на берегу. Понаблюдав немного за тем, как толстушка дышит, натужно вздуваясь, он перевёл взгляд на улитку, неторопливо тащившую свой маленький домик вверх по широкому стеблю длинной травинки, оставляя позади себя слизистый след.

В канавке соседней травинки собиралась вода, накапливалась на заострённом кончике, наливалась, тяжелела, пригибая стебель низко к земле. Ему захотелось приникнуть губами и испить эту каплю, покатасть приятную влагу во рту. Капля скользнула на землю, разлетевшись блеском радужных брызг. По лицу мальчика пробежал блеск. Он поднял

глаза: взору открылась необъятная утренняя даль.

Тонкая полоска света отделила небо от земли. Огонь зари полился на равнину. Посреди горизонта расцветал пламенный цветок. Огромный тусклый круг, быстро светлея, вырвался из-под земли, словно из темницы, заполняя край неба огнём. Свинцовое озеро подёрнулось розовой пеленой. Набирающее силы полымя отражалось мягкими отзвуками-переливами на зеркальной поверхности озера. Мощным хором гремел оглушающий крик птичьих стай, на разные голоса славящих утро.

Боковым зрением мальчик увидел короткое подёргивание поплавка. Натянулась тонкая леска. Перо легонько прыгнуло раз, другой и вдруг ускользнуло глубоко под воду. Лягушка шлёпнулась в озеро. Мальчик подсёк и потянул удилище на себя, ощущая приятную тяжесть.

Сердце громко застучало. Больше всего он опасался того, что рыба вдруг сорвётся. Удочка, выгнувшись, опала в дрожащей руке. Из-под воды показалась лупоглазая голова, рыбий хвост захлопал по воде. Мальчик выбросил улов на берег: переливаясь в первых лучах рассвета, трепыхался среди тёмно-зелёной травы карасик, величиной с ладошку.

Мальчик зачерпнул кульком воду. Крепко обхватил скользкое, упругое тело, снял с крючка и бросил в этот садок. Карасик немного побился о полиэтилен и успокоился.

Мальчик поменял червяка, забросил удочку, всколыхнув алые блики. Красочные узоры побежали по озёрной глади,

нарушая зеркальность.

Он сел на крышу и затаив дыхание, застыв глядел, как по ту сторону озера всплывает над бездонным миром, златозарное солнце. Усиливая свечение, разрастаясь и наливаясь светом, возносилось оно всё выше и выше, с каждым тактом сердца.

Линия горизонта постепенно выпрямилась. Небо и земля вновь соединились. Бесконечно-голубое небо прояснилось; всколыхнувшись, загорелось золотом бескрайнее пшеничное поле.

Давно склевали рыбы наживку, а он, позабыв обо всём, любовался идеальным сияющим кругом: огонь полился в распахнутые глаза, расплавленным металлом побежал вглубь, заливая мальчика до краёв, опалая сердце, зажигая душу, точно факел. Он вдыхал прозрачный свет как воздух. Он пил и пил его, как струи чистой воды. Нити лучей вливали в него ощущение невесомости. Тело тонко вибрировало, сердце стучало с долгими перерывами, дыхание струилось легко, свободно. Переполнив мальчика, яркий свет добрался до сознания, породив вспышку. Свет оказался повсюду: в нем и вокруг него, в каждой клеточке тела, в малейшем отзвуке мысли. Глаза полыхали. Зрачки расширились, созерцая безграничные светлые просторы. Мир померк. Озеро со всеми деревьями и камышом, небо, поле, птахи – всё исчезло. Он словно растворился в бесконечном мире.

Из-под воды вынырнула, раскрылась белая лилия. За ней

ещё одна. И ещё... Сияя внутренним светом, без лучей, они плавали посреди переполненного синью озера. Миражное мерцание синих и белых тонов, оторвало его взгляд от непогрешимого блеска светила. Наполнив душу озёрными цветами, он оглянулся назад, — на холме сверкала объятая ореолом деревушка.

...Отцвели зарницы, угасло очарование. Утреннюю свежесть и чистоту сменила удушающая жара. Солнечный свет на озёрной глади замерцал утомляюще.

Пчелы вились над цветками; зудели, пролетая мимо, стрекозы; изредка мычали коровы. Паучки, распластавшись, плыли по воде. Под ногами прошуршала ящерка и скрылась в норке на берегу. Бабочки порхали с места на место. Одна из них села на большой камень, неподалёку от него, и, взмахнув крыльями дважды, замерла... Птичьи стаи всё шумели и шумели в потопленном ивняке.

Начался безудержный клёв. Красный поплавок яростно плясал на воде. Легкие пузырьки пены вскипали вокруг него. Ловля захватила всё внимание мальчика. Одного за другим выхватывал он из воды свеженьких карасиков.

Солнце продолжало своё восхождение по небу и вскоре повисло над головой. Клёв уменьшился, и, наконец, совсем сошёл на нет. Мальчик смотал удочку.

Птицы притихли, деревья застыли как нарисованные. Притаился ветерок. Озёрная гладь не смела даже дрогнуть. Природа неподвижно застыла в раскалённом воздухе. Толь-

ко маленькие солнца блистали на поверхности озера.

Мальчик разделся, сложил вещи на траве. Вступил в прохладную воду, почёсывая пятку о голень; вошёл по пояс и поплыл. Поверхность озера была тёплой, он нырнул глубже, в холодный, леденящий слой. Немного поплавал и прилёг на отмели, растянувшись на спине. Колыхаясь в освежающей прохладе, разглядывал мечтательно-голубое небо.

На обозримой части неба появилось облако. Ослепительно белое и пушистое, как огромный комок блестящей ваты, оно приближалось, росло. Медленно проплыло над головой – точно небесный тихход. Тень от облака тянулась следом, по земле. Легонько коснулась мальчика, и побежала дальше. Из высокой травы выперлась вдруг корова, отгоняя коротким хвостом надоедливых слепней и мух, уставилась на мальчика бездумными глазами, пережёвывая свою жвачку; скрылась в чаще.

Ещё разок искупавшись, мальчик собрал вещи и отправился домой. Возвращался тою же тропой. Кончик удочки выглядывал над кустами и по этому маячку его узнавали работавшие на огородах люди. Они разгибали спины. Смотрели на него, приложив ладони козырьками ко лбу. Громко спрашивали:

– Ну что, поймал что-нибудь?

Он поднимал над головой прозрачный пакет. Улов блеснул на солнце. И тогда они кричали ему вслед:

– Ого! Молодец!

Вошёл в обсыпанный яблоками-паданцами двор. Под глубинной тенью дряхлой яблони бродили куры, склёвывая с земли мусор. На раскалённом огороде позади дома, среди сухих стеблей картофеля, стоял, облокотившись о черенок лопаты, дедушка. Солнце далеко вытянуло его обездвиженную тень. Бабушка хозяйничала в летней кухне, гремя кастрюлями. Котёнок, разморённый солнцем, лежал на лавке, свесив хвост к земле, и дремал.

Мальчик достал малька из кулёчка и позвал котёнка. Лениво потянувшись, тот спрыгнул на землю и неторопливо подошёл к нему. Осторожно понюхал трепыхающуюся рыбёшку, прибрал её когтями и начал флегматично есть. Мальчик скормил ему не меньше десятка маленьких рыбок, а ненасытный зверёк все никак не наедался. Когда мальчику надоело кормить зверька, он пошёл на кухню. Котёнок ещё немного посидел в ожидании. Несколько раз растерянно обнюхал пустоту вокруг себя. Наконец, осознав, что добавки не будет, запрыгнул обратно на лавку, и принялся умываться.

Мальчик притащил ведёрко воды из колодца, вылил в трёхлитровую банку, запустил туда оставшуюся рыбу. Долго разглядывал её сквозь увеличительное стекло банки.

Самых крупных карасей он бросил на сковородку. Пожарил на подсолнечном масле, немного поел. Вошёл в душную комнату и, скинув одежду, повалился на кровать.

Спал он недолго. Проснулся весь в поту. Духота томила.

Ему вдруг вспомнилась зима в деревне, и гаснущее солнце в заиндевелом окне. Вышел на крыльцо, умылся ледяной колодезной водой, смывая тяжёлый полуденный сон. Доел остатки рыбы.

Послеобеденная деревня отдыхала, дремала, на улице никого не было видно.

Мальчик отправился в лес. Путь его пролегал мимо старой фермы, через шоссе и поле. Под ярким солнцем всё вокруг беспорядочно блестело. Свет отбивался от дороги и слепил глаза. Свет был в воздухе, в потрескавшейся земле, в высокой траве и в стогах сена. Отзвуки его слышались и в летней тишине и в нарушавшем её птичьим пением, в лёгком дуновении ветерка, в шелесте придорожных трав, и в шёпоте налитых колосьев. Мальчик брёл по золотому полю, вдыхая аромат обожжённой солнцем пшеницы. Обгоняя его, пробегали по краю неба и исчезали вдали редкие тучи. Лес приближался, возвышаясь над ним.

За полем, на краю леса, дорога огибала небольшое круглое болотце. Стоячая вода затянута ряской, тихо шумел сухой камыш, скрипели скрестившиеся стволы деревьев. Засохшие и белые они были похожи на отполированные ветром кости. И даже птичий ток здесь был сухой, трескучий.

Посреди мёртвой воды, на маленьком островке, сидела черепаха. Он понаблюдал за ней несколько минут. Как всегда, черепаха не двигалась. Удовлетворённый этим наблюдением пошёл дальше, вдоль звенящего в стороне ручейка.

Вскоре дорога спустилась к ручью. Над самым берегом неглубокого прозрачного потока, росли три низенькие дички. Они отбрасывали пышную прохладную тень. Трава под деревьями, недавно скошенная, проросла вновь и была свежей, пахучей. Мальчик прилёг отдохнуть на мягкой траве, под сплетением тенистых ветвей. Земля тут же приняла его в своё лоно. Он мгновенно уснул.

Проснулся с лёгкой головой. Ласково журчал поток в тени трав и цветов. В светлом небе виднелись размытые очертания парящих птиц.

Плеснул водой в лицо. Разулся, подвернул штанины. Пошёл по ледяной воде, ступая осторожно, чтоб не упасть. Дно было устлано скользкими камнями и водяной травой. Обмыл ноги, и вышел на другой стороне ручья.

Углубился в лес, вслушиваясь в переключку щеглов, разбавляемую редким подкаркиванием ворон. Сочно и звонко, пронзительно, с детальной чёткостью звучали голоса птиц в лесной глуши. Пели пичужки, свистела иволга, ей подсвистывал сычик. Ритм поддерживал глухо долбящий сухое дерево дятел. На фоне птичьего оркестра солировал соловей. Последовав за его голосом, мальчик пошёл тише сквозь ярко-зелёную чащу. Подкрался к дереву, чтобы посмотреть на певца. Но так и не увидел его среди густых переплетений ветвей и листьев.

Побродив по лесу среди тысяч теней, среди деревьев, кустов и цветов, пройдя по множеству едва заметных тро-

пок, когда-то давно протоптанных людьми, выбрался на знакомую дорожку. Внимая шороху сосен по сторонам, ступал по ковру из сухих иголок, веточек и шишек. Направляясь к группке тоскующих берёз, вышел на пёструю поляну, устланную разноцветными бутонами тысяч цветов.

В тени берёзовой рощи стоял маленький шалаш, сплетённый из гибких прутьев, заросший зарослями плюща. Мальчик насобирал веток, разложил костёр, сел перед входом в шалаш, подобрав под себя ноги. Огибая его, протаптывали свою тропку в редкой траве рыжие муравьи. Вертикально вверх поднимался смолистый дымок от сжигаемой бересты, хвой и сосновых шишек. Потрескивали сухие дрова. Огонёк то вспыхивал, то уходил в угольки. Тогда он подбрасывал палки и шишки. Иногда набегал ветерок, и костёр качало, развеивало; ярко-красный гребень хлопал, трепетал, бился из стороны в сторону. Долго-долго глядел мальчик в огонь, и ему казалось, что этот день не кончится никогда.

Вечерело. Затоптав остатки костерка, он покинул ветхий шалаш и пустился в обратный путь: солнце уже клонилось к земле.

Ноги взбивали облачка дорожной пыли. Жёлтая дымка стелилась позади него по земле. Он остановился посреди пшеничного поля. Земля, небо и горячий ветер окружали его. Прощально обернулся: тёмный лес, упираясь в небесную синь, безмолвно стоял в отдалении. Стая птиц шумной тучей сорвалась с деревьев, наплывая на низкое солнце. Мальчик

сорвал охапку золотых колосьев, растёр их в руках. Отделив плевела, бросил зерна в рот. Жуя пшеницу, побрёл дальше. Пересёк асфальтовую дорогу, перелез через поломанную изгородь фермы, прошествовал мимо загонов скота, и огородами пробрался к дому.

Подхватил удочку и направился к озеру, но не старой, обходной, тропой, а напрямик, через оградки и огороды, по несжатому полю кукурузы и подсолнухов. В спешке задел, сшиб, перезрелый тяжёлый подсолнух. Тот сломался с хрустом, и упал на землю, разбросав вокруг себя длинные жёлтые лепестки. Очистил подсолнух от жёлтой пылицы, попробовал семечки. Удовлетворённый их вкусом, взял подсолнух с собой. Среди чащи лободы наткнулся на старое кривое пугало. Стянул с него дырявую соломенную шляпу, надел на голову.

Пришёл на озеро, когда последние лилии уходили под воду. Комариные рои неподвижно висели в воздухе.

Первая же поклёвка принесла улов. Звук трепещущей на крючке рыбы раздался над вечерним озером. Следом покати́лся лёгкий хохот, – над попавшимся карасём насмехался погоньш. Ему радостно вторили лягушки. Им злорадно подгавкивали камышницы.

В камыше у противоположного берега выплеснулась рыба. По воде пошла мелкая рябь... Вдруг мальчик почувствовал, что рядом с ним кто-то есть. Он повернул голову и посмотрел ей в глаза. Она стояла у ивы, прислонившись к ство-

лу, словно олицетворение души дерева, и глядела на мальчика. Ветерок легко овеивал её. Ива осторожно гладила её зелёными волосами. Вечерний свет отражался в её задумчивых глазах. В тени, тонкое лицо было расплывчато-бледным.

Увидев, что замечена, девочка подошла и присела около него. Положила руки ему на плечо, опустила на них подбородок. Их взгляды перекрестились на пёрышке поплавка... Позади них загорелся небесный пожар, отбрасывая на землю косые багровые блики. Закатное солнце прощально зажгло пшеничное поле. Повеял вечерний ветерок, – по пшенице побежала волна.

Отстранившись, он окинул девочку долгим взглядом. Кожа её бела, а волосы черны и вся она была будто омытая дождём. Он смотрел как зачарованный – и не отводил взгляда. Она показала ему кончик языка и, сорвав с него шляпу, натянула себе на голову.

– Я искала тебя полдня, – сказала она, пробуя семечки и отбрасывая шелуху в заросли камыша. – Никто не знал, где тебя носит.

– Я ходил в лес.

– Шалаш всё ещё держится?

– Ага...

– Клюёт! – воскликнула она. – Тяни скорее.

Мальчик дёрнул удочку. Крючок был пуст.

– Шляпа!

Он пожал плечами:

– Это ты виновата.

Она рассмеялась. В глазах её заблестели весёлые искорки.

– А я завтра уезжаю домой, – вдруг сказал он, сосредоточенно цепляя червяка. – Приходи проводить.

– Приду, – сбившимся голосом пообещала она.

Помолчали. Яркий свет неожиданно погас. Ширь неба свода потемнела. Поле накрыл сумрак. В вечерней тишине пронзительным эхом разнёсся неприкаянный крик журавля, рождая отклик в самой глубине души.

На тёмно-синем небе слабо прояснилась луна, под нею, в озере, ещё одна – её отражение. Он закинул удочку. На поверхности воды истаивали последние краски, и поплавок растворился среди сгустившихся теней. Пришло время собирать снасти.

В густой траве скоро-скоро пиликал речной сверчок. Выдувала трубу болотная выпь. Где-то ухнула сова. Из деревни доносился собачий лай и гомон загоняемых во двор гусей.

Они медленно шли рядом. Тропа вела их вверх, на возвышенность, к деревне. В вечернем воздухе летели мелкие клочки пыли, палочки, жучки, паутинки. Чуть правее от деревни, в окаменевших тучах, окончательно исчезало огненно-красное солнце. Меж опалённых багрецом деревьев, среди которых взгляд выделил знакомую яблоню, догорали красные ряды крыш.

Догоняя их, брели вразброд коровы. Вскоре рядом с ними оказалась корова, отмеченная черным пятном на морде. Де-

вочка похлопала её по впалому боку, сказала:

– Здравствуй, Красотка.

Когда подходили к дому девочки, корова полезла в чужой огород. Девочка подхватила хворостинку и, покрикивая, загнала Красотку во двор. Заперла калитку. Молча постояли, разделённые забором. Утихла спичечная дробь кузнечиков. Летучие мыши безмолвно носились в воздухе. Немые тополя вырисовывались на ночном небе.

– Ну, пока, – глухо сказал она.

– Не забудь, завтра утром, приходи.

– Не забуду, – чуть слышно прошептала она.

Он не видел её в темноте меж забора. Но чувствовал, что она стоит, не уходит, провожает его взглядом.

Подошёл к своему двору. Одинокая варакушка тихонько плакала в вишне. Только теперь он вспомнил, что за весь вечер они сказали друг другу так мало. Хотелось вернуться, позвать её со двора и говорить-говорить, как раньше, не замечая времени...

В окнах веранды горел свет. Ужинали. Он долго глядел, как дедушка берёт сухими пальцами горячие кули варёной картошки, очищает дрожащими руками шкурку. И подсолит, кушает, обжигая губы. Бабушка что-то говорит, голоса её не слышно, но речь её, кажется бесконечной и льётся долго-предолго...

Поставил удочку в углу сарая. Выпустил рыбу в банку. Выпил тёплого молока, заел куском хлеба.

Свет в веранде погас, слепые окна отражали огни звёзд. По двору бродили бесшумные лунные тени.

Идти в дом не хотелось. С помощью приставной лестницы, забрался на вершину огромного стога сена. С высоты смотрел на потемневшие кровли домов и поникшие кроны деревьев. Ещё глубже становилась ночь, звёзды разгорались ярче на чёрном величественном небе. Луна исчезла. Деревня погрузилась в первозданную тишину.

Для мальчика наступил миг одиночества, когда кроме тебя нет больше никого, ничего; только безликая, безучастная пустота, да ещё беспредельный покой.

Чёрное вогнутое небо, обхватило мир сверху, вобрало всё в себя. И он вдруг оказался в самой сердёвке этого мира. Лежал на высочайшей вершине, посреди прозрачного ночного неба, широко раскинув руки; вслушиваясь в себя. В дрожащее, точно листок на ветру, сердце. В тревожные, трепещущие мысли. Рядом плавали, слабо пульсируя, звезды. Они стягивались к нему и блестели вокруг. Казалось, протяни только руку, и коснёшься их обжигающего холода.

Слышалась ему, точно сквозь туман, знакомая музыка. Мелодия неслась из темноты, пролетала ветерком, наполняла ночной двор. Возносилась ввысь, — далеко, до самых звёзд, странно сочетаясь с гармонией небесных сфер. И вот он уже поднимается вместе с мелодией всё выше и выше, к ставшему далёким небу, а звезды отступают всё дальше и дальше. Медленно кружится блестящая чернота в слипаю-

щихся глазах. Глаза закрываются, и перед внутренним взором раскидывается карта небосклона с сеткой звёзд.

Больше им не убежать от него. И вот он бредёт, – одинокий скиталец, по бесконечному зимнему пути, среди ледяных пустошей, холодных и чистых, очарованный хрустальным блеском. Вдруг лёд под ним вздрагивает, колыхается. Чёрная трещина разбегается под ногами. Он срывается и падает, падает, мимо звёзд, погружаясь в бездонную глубину неба. Сеть звёзд сплывает вокруг него вниз, словно остатки воды по стенкам перевёрнутой чаши.

Чьи-то далёкие, но знакомые голоса доносятся до него. Наверное, голоса планет. Вдруг неожиданный поток подхватывает и несёт его, даря ощущение невесомости. И он уже не падает, а наоборот, летит; плавно летит сквозь пустоту. Это дедушка нашёл его на стоге и переносит на кровать, сквозь сон догадывается он. А небо вокруг него окончательно рушится, звезды кружатся и опадают, осыпаются поблёкшими лепестками. Слепая тьма охватывает всё, а за ней наступает беспмятство.

Наутро, – короткое прощание. Бабушка целует его в щёку. Дедушка сдавливает плечи в крепком объятии. Девочка появляется из пустоты, подходит к нему и подаёт руку.

«Прощай», – отрывисто говорит она и отступает назад, в темноту.

Машина уносит его вдаль, а он всё смотрит и смотрит назад, и ему ещё долго видится затопленная солнцем деревуш-

ка, уменьшающийся дом в тени старой яблони, неровная полоса асфальтовой дороги, и маленькие белые фигурки, машущие вслед...

Мальчик вздрагивает, открывает глаза: под головой старая подушка, скомканная простыня где-то в ногах, одеяло съехало в сторону.

Прислушивается. В соседней комнате похрапывает дед. Сквозь отворённое навстречу прохладной ночи окошко, льётся в комнату монотонный перезвон сверчка.

Тянется за одеялом. Рука наталкивается на что-то мягкое. Рядом, свернувшись клубком, спит котёнок.

Всё как обычно, всё, как и должно быть. Бабушка пока не будила его, ведь ещё слишком рано. И у него ещё есть время поспать. А день ещё впереди, много дней, ведь каникулы только-только начались. И рыбная ловля, и лес, и девочка, и прочее... это всё ещё обязательно будет. Завтра и следующие три месяца. А может и вечно... А тот день, что приснился, наступит нескоро. Может – никогда.

Голова мальчика падает на подушку. Он мгновенно засыпает.

Детские шалости

Вадим, невысокий тринадцатилетний парнишка, засунув руки в карманы, вразвалочку шёл вокруг школы. Рядом каланчой шагал его лучший друг Андрей. Ребята откровенно нудились.

Начало жаркого лета – скучная пора. Учёба только недавно закончилась и друзьям было ещё не вполне понятно, куда девать всю ту прорву свободного времени, которая вдруг у них возникла.

Школьный двор уже несколько дней был тих и безлюден. Но на спортивной площадке по-прежнему кипела жизнь: оттуда доносились перекрикивания юных футболистов, гогот детишек, высокие голоса девчонок.

Неожиданно в помещении школы прозвенел звонок. Парни вздрогнули от этого внезапного напоминания о неотвратимости будущих уроков.

– Недолго нам гулять... какие-то три месяца и опять учёба, – недовольно проворчал Вадик.

– Неохота, – лениво отмахнулся Андрей.

– Понятное дело!...

Они сделали вокруг школы ещё один кружок, болтая о том, о сём.

– Скучно, – наконец вздохнул Андрей, одновременно делая шире шаг, как бы невзначай устремляя друга в направ-

лении спортплощадки.

– Ага, – согласился Вадим, немного отставая от товарища и продолжая движение по дорожке, сворачивавшей в сторону.

Андрей, увидев, что его тайные намерения были легко распознаны, раздосадовано поджал нижнюю губу. Внезапно под ногу ему попала пустая консервная банка. Он радостно подхватил её носком битых кроссовок и отпасовал Вадиму. Тот автоматически принял «мяч» и вернул передачу.

– Мож в футбол?.. – наступив на банку, с отчаянной надеждой в голосе, спросил Андрей.

– Нельзя – вздохнул Вадим, кивая на свои летние туфли. – Последняя целая обувь осталась. Покупать сейчас что-то новое денег нет, да и смысла тоже – нога ещё за лето может вырасти.

– А кеды твои?..

– Пипец пришёл кедам, пришлось выбросить. Жирный, сука такая, чуть с ногами не оторвал. Короче, если я ещё туфли добью, матушка точно мне башку отвинтит...

Андрей уронил голову на грудь и продолжил движение по ранее избранной траектории – заходя на очередной виток вокруг школы.

– Хреново... – обречённо вздохнул он.

– А то!

Внезапно Вадик остановился. Андрюха, до последнего скашивавший глаза на ускользающее футбольное поле, где

кипели настоящие страсти, натолкнулся на него сзади и едва не свалил товарища.

– Эй, гляди-ка, – сказал Вадим, выпрямляясь. – Это случайно не твой брат там, с двумя малышами?

Андрюха посмотрел в указанном направлении. Спрятавшись в тени, под деревьями, и сидя на корточках, троица знакомых ему ребят что-то горячо обсуждала. «Малыши», кстати, хоть и были на год или два младше Вадима по возрасту, но зато минимум на голову превосходили его по росту. Одним из троицы действительно был Колюнчик. По-видимому, малолетки тоже не знали, чем заняться.

– Точно, – скривился Андрей. – Он.

– Слушай, давай с ними поиграем?

Андрей ошарашенно посмотрел на Вадима:

– Шутишь? Во что это мы будем с ними играть?

– Есть одна идея... – Вадик развивал мысль на ходу. – Типа поисков клада... Спрячем что-нибудь в укромном местечке. И будем придумывать им разные задания, а они их выполнять, пока клад не найдут. Навроде «Форт Боярд», но по-нашему. Интересно будет.

– Хм-м...

Но Вадим уже вдохновился собственной идеей:

– Ну-ка, давай, зови брательника сюда.

Андрей призывно махнул рукой. Оставив товарищей ждать под деревьями, Коля осторожно подошёл к друзьям. Вадим, приобнял его за шею, наклонил голову поближе

к своим губам. Почесав костяшками пальцев макушку, принялся настойчиво вталдычивать ему на ухо свою идею. Когда окончил, наткнулся на полный сомнения взгляд.

– Ну не знаю... – протянул Коля.

Вадим разочарованно отпустил мальчишку, легонько ткнул локтём Андрюхе под рёбра и полюбопытствовал:

– Слушай, вы случайно с этим типом не родственники?..

– К сожалению, – отозвался Андрюха, уничижительно глядя на младшего брата.

– Короче, иди, объясни им тему, – поторопил малого Вадим.

– Ну, я попробую... – неуверенно сказал тот.

– Давай-давай, говорю тебе, будет интересно!

Сам он, правда, уже сомневался в том, что будет действительно интересно.

Издали было видно, что мальчишки живо обговаривают поступившее предложение. Вскоре Коля вернулся:

– Не будем мы искать никакой клад, – смело возвестил он.

Вадима такое решение неприятно поразило:

– Почему!?

Коля независимо скрестил руки на груди и убеждённо заявил:

– Вы нас обманете.

– Како-ого... – разочарованно протянул Вадим, разводя руками. Он не мог понять кривой логики малышей. – Ну почему сразу обманом!? Это ведь просто игра такая... мы при-

думываем несложные задания – вы их выполняете... От записки к записке – пока не найдёте клад!

– Не-а. Не интересно.

Вадим моментально нахохрился:

– Блядь, почему же не интересно?..

Ему захотелось сразу дать Коляну в тыкву, для активизации мыслительных процессов, но пришлось удержаться – Андрюхин брат всё-таки. А других методов убеждения ему в голову почему-то никак не приходило. Ужасно разозлённый на бестолковых мальчишек с ограниченной фантазией, Вадим лишь плюнул себе под ноги:

– Ну и черт с вами, сопляки тупоголовые! Валите вон с девчонками на резинках прыгайте. Это как раз ваш уровень.

Коля по добру, по здорову, поспешил вернуться к товарищам. Они перекинулись между собой ещё парочкой фраз. Вадиму показалось, что несмотря на Колькино уверенное заявление – у ребят всё-таки не сложилось единого мнения.

И действительно, внезапно от троицы отделился худой длинный мальчик и направился в сторону Вадима с Андреем. Двое оставшихся малышей немного постояли, глядя худосочному вслед и даже громко окликнули его пару раз. Но тот не обращал на них внимания. Он явно хотел поучаствовать в предполагаемой увлекательной игре. Тогда, недовольно махнув ему в спину, Коля и третий товарищ ушли в сторону спортивной площадки.

Мальчик же подошёл к друзьям и сообщил напрямик:
– Я вам верю.

Парни несколько озадаченно переглянулись.

«Чему он верит?», – как бы спросил Вадим удивлённым взглядом.

«А черт его знает», – выразило вытянутое лицо Андрея.
– Я согласен делать то, что вы скажете.

Вадим обрадованно щёлкнул пальцами. Губы его непроизвольно расплылись в улыбке. Он враз почувствовал, как на него нисходит вдохновение. Ранее задуманная стратегия игры развивалась сама по себе, приспосабливаясь к на глазах изменяющейся ситуации. Про поиски какого-то там клада он уже совершенно забыл.

– Тебя как зовут? – глядя снизу-вверх полюбопытствовал он.

– Кирилл, – подсказал Андрей.

– С этой минуты он должен сам за себя держать ответ! – резко обрезал Вадим и добавил мягче. – Так как тебя зовут?

– Кирилл.

Вадим какое-то время пристально изучал мальчишку с ног до головы, сквозь прищуренные веки. Словно взвешивая про себя, можно ли ему доверять? Потом приступил к делу:

– То, что ты узнаешь – большая тайна. Нужно поклясться, что ты никому-ничего-никогда не расскажешь.

– Конечно, я понимаю, я готов!

– Клянись!

Было заметно, что мальчик, вероятно ощущая себя избранным адептом некоего тайного общества, сильно волнуется:

– Клянусь!

– Это слабо...

– Клянусь сердцем матери!..

– И-и!?

– И кровью отца!

Друзья, выслушав клятву, удовлетворённо переглянулись.

«Ты видел этого клоуна?» – одними глазами спросил Вадим.

«Да, соседка совсем плох» – согласился Андрей, поджав губы.

Друзья коротко кивнули друг другу – потеха намечалась знатная.

Вадим подошёл к мальчишке вплотную. С трудом дотянувшись, положил руку ему на плечо. Слегка сдавил основание шеи.

– Это чертовски опасно, – очень строгим голосом произнёс он. – И знай, – обратного пути уже не будет. Так что, пока ещё не поздно, я советую тебе, по-хорошему, вернуться в песочницу, к остальным малышам.

Кирилл в этот момент выглядел крайне взволнованным. Заметно было, что возможность узнать страшную тайну (настоящую – не книжную) всерьёз будоражила его воображе-

ние. Но и пугала тоже.

– Нет-нет, что вы! – заметно храбрысь, он выпятил грудь. – Я уже все решил. Я с вами!

– Пойдём-ка на школьный балкон, – поглядев по сторонам, сказал Вадим. – Там точно никого нет. Поговорим спокойно. Ничьи глаза не увидят нас, ничьи уши не услышат и ничей длинный язык не доложит кому не надо.

У Андрюхи челюсть слегка отвисла от такого оборота речи. Вадим, подталкивая Кирилла к лестнице, вскользь показал Андрюхе кончик языка.

Ребята, поднявшись по короткой лестнице, спрятались за высоким бордюром балкона.

– Теперь слушай внимательно. Я и Андрей, мы не просто ребята со двора. Мы работаем на милицию и у нас серьёзное задание.

Кирилл посмотрел на него с некоторым сомнением.

– Понимаешь, преступники, как правило, чрезвычайно осторожны, – развивал Вадим. – Ты в курсе, какой сейчас уровень криминала в стране? Почитай газеты. Полный швах. Так вот. Подобраться к бандитам очень сложно. У них круговая порука, кодекс молчания, куча внутренних правил. Чуть что – удавка на шею и концы в воду. Поэтому органам приходится привлекать к делу детей. Не всех конечно – испытанных, проверенных ребят. Таких, как мы с Андрюхой. Обычно нас используют там, где нужно подобраться поближе, подслушать кусок разговора, незаметно передать ин-

формацию. Ведь в таком серьёзном деле, каждая мелочь может оказаться важной. Понимаешь, опытные бандиты легко выкупят взрослого наблюдателя... А кто обратит внимание на какую-то пацанву мелкотравчатую?

– Никто – холодея, согласился Кирилл. Доводы выглядели достаточно убедительно.

– То-то и оно. Для этого мы и нужны. Вот тебе простой пример. Вон там, на лавочке, сидят два мирных с виду дедули. Знаешь кто они на самом деле? Криминальные авторитеты. Очень крутые и известные... в узких кругах уголовников конечно. А теперь посмотри внимательно на крышу той девятиэтажки – наблюдаешь человечка? Как думаешь, почему он там ошивается? Я тебе объясню – это прикрытие. Таким образом, обеспечивают безопасность встречи! И он не один – гляди, на том доме тоже. Делают вид, что ремонтируют антенну... это для отвода глаз, конечно. А теперь отдельно обрати внимание, мужчина на балконе четвёртого этажа. Вон, курит, та пятиэтажка – видишь?... Осторожно не высовывайся сильно. Не привлекай к себе внимания, одним глазком. Заметил, лысый такой? Это очень серьёзный тип. Исполнитель. Кличка – «Череп». Запомни его на всю жизнь и если где встретишь – обходи стороной. Для него человека зарезать, что мне бычок выкурить.

Неся всю эту ахинею серьёзнейшим голосом, Вадим улыбающимися глазами поглядывал на Андрея, присевшего позади Кирилла. Андрей смотрел на товарища огорошенным

взглядом. Потихоньку покрутил пальцем у виска.

– Короче, у нас сейчас важная задача, – продолжил Вадим, – нужно как-то подслушать их разговор. Понимаешь? Они сейчас договариваются о крупной сходке, назначают место и время встречи сливок криминального мира. И нам очень важно всё узнать, или хотя бы близко подобраться к этой информации. Арестовать сразу группу авторитетов, взять их на горячем – лакомый кусочек. Несколько лет туча людей работала, чтобы произвести такой захват.

Вадим перевёл дыхание. Кирилл, потрясённо слушая его, иногда неуверенно поворачивался к Андрею, заглядывая тому в глаза. Андрей, в такие моменты, строго насупливал брови, изображая очень серьёзное лицо, всем своим видом подтверждая слова напарника.

– Но вот беда, – закончил легенду Вадим, – мы с Андрюхой уже примелькались, нас уже заметили. Просто так подойти к ним, нам уже не получится. Уровень опасности очень высокий. Нужен новый человек.

Кирилл, осознав, что к чему, дёрнулся и немного задрожал.

– Успокойся, – Вадим снисходительно похлопал его по руке. – Так сразу в серьёзную полевую работу мы тебя одного не бросим. Сначала будет небольшая подготовка. Ты посмотришь, как мы работаем, если дело пойдёт – поучаствуешь немного. Ну а если мы вдруг погибнем... расскажешь доверенному человеку всё, что удастся узнать. Мы сейчас с Ан-

дреем выйдем к рации, она у нас спрятана неподалёку, передадим твои координаты надёжным людям. На всякий случай. Понял? А ты пока – сиди здесь и не высывайся. Мы туда и назад, плюс разведаем немного вокруг. Максимум пять минут и вернёмся. Вот твоё первое задание, вроде бы и простое, но очень важное – жди на месте и не привлекай к себе внимание. И ещё. Тебя они точно не знают, а мы наверняка уже под подозрением, поэтому к нам на открытом пространстве – не подходить! Ни в коем случае! Понял?

– Да, – испуганно сказал Кирилл.

– Я рад, что ты с нами. Давай Андрюха, погнали, быстро.

Бросив Кирилла на школьном балкончике, ребята отбежали за угол школы и стали наперебой смеяться.

– Как можно быть настолько легковёрным? – поразился Вадим. – Ведь он не такой уж и маленький!

Он выглянул из-за угла и внезапно поменялся в лице.

– Что такое?..

– Идёт, козёл, – Вадим скрипнул зубами. – Видать с первого раза не дошло. Наверное, решил, что я с ним шутки шучу. Так! Ты, типа, следишь тут за обстановкой, а я ему сейчас вставлю пендюлей.

Кирилл появился из-за угла с очень взволнованным лицом.

Вадим сразу схватил его за руку и потащил в кусты. Он страшно разозлился:

– Ты что? Какого хрена? Быстро прячься. Нас не должны

видеть вместе, идиот! Если преступники тебя свяжут с нами – тебе сразу каюк! Когда я говорю сидеть и ждать, надо сидеть и ждать! Это тебе не детские шалости! Ещё раз нарушишь приказ!.. – орал он на Кирилла. – Разве ты не понимаешь, что подвергаешься серьёзной опасности? Черт возьми, ты ещё слишком неопытен и можешь поплатиться жизнью. Слышишь? Поплатишься жизнью!

Последние слова он процедил с особой озлобленностью, сквозь зубы. Кирилл, видимо не привыкший к подобному обращению, весь затрусился. Глаза мгновенно наполнились слезами. Верхняя губа задёргалась.

– Я хочу домой... – жалобно сказал он.

– Поздно, – жёстко обрезал Вадим. – Ты уже в деле. Про тебя уже возможно знают наши противники. Ты на мушке. Один, без нас, ты погибнешь. Тебе хана, понял!? Дальше будешь чётко выполнять инструкции. Чётко! Инструкции! Тогда, может быть, выживешь... Быстро возвращайся на место дислокации. Мы к рации и сразу к тебе. И лучше выполняй, если не хочешь подохнуть в ближайший же час.

Вытолкнул Кирилла на тропинку. Мальчишка побежал обратно, словно ужаленный.

– Сложно с ним, – сказал Вадим, выбираясь к Андрею из кустов. – Какой-то он несмышлёный. Перекур!

Он вытащил из кармана несколько ранее подобранных возле мусорки окурков, выбрал из них самый большой. Выкурил его за несколько затяжек, подкурил от него следую-

ций, чуть поменьше, быстро выкурил и его. Щелчком пальцев закинул окурок подальше от себя:

– Ну что, продолжим?..

Андрюха кивнул.

– Тогда погнали.

Ребята побежали к месту дислокации.

Кирилл был на точке, он прятался на балконе, испуганно выглядывая подельников. Андрей остался около входа, как бы на стрёме. Вадим сразу приступил, с места в карьер:

– Планы меняются. Нам передали по рации, что нас вычислили, мы у них на мушке. Вполне возможно, что уже подбираются сюда. Сейчас будем сматываться. Андрюха, что-там?

– Вижу какое-то движение слева! – громким шёпотом сказал тот. – И справа!

Вадим подбежал к нему и выглянул из-за его спины:

– Черт возьми, точно, они! Нас окружают, быстро, бежим! Андрей, давай вперёд, если мы не услышим автоматной очереди тебе вслед, то линияем за тобой. Скорее!

Андрей сорвался с места и отчаянно побежал за угол.

– Тишина, отлично, у нас есть шанс... – Вадим махнул Кириллу. – За мной, скорее, погнали, не отставай!

И понёсся изо всех сил вслед за Андреем.

Друзья остановились лишь вдалеке от школы, вконец запыхавшись. Кирилла не было.

– Где этот идиот? Я же сказал ему бежать за мной. Вот

слоняйся! Побудь здесь, пойду, посмотрю, что с ним. Обосался он там что ли?

Вадим помчал назад. Перепрыгнув через ступеньки, взлетел на балкон, сходу собираясь накрыть мальчишку многоэтажным матом за неповиновение приказу... и замер на месте, потрясённый.

Кирилл стоял на коленях и неистово молился, сложив ладони вместе, возведя очи горе.

Вадим едва не расхохотался. Розыгрыш превзошёл все его ожидания. Еле сдерживая смех, он закричал:

– Какого чёрта ты здесь делаешь, баран? Нужно спасти свою задницу, не время молиться!

Кирилл словно и не слышал его. Вадима начинала охватывать ярость:

– Ты, чёртов трус, сейчас же прекратить панику! Это тебе никак не поможет. Надо валить и быстро!

Кирилл внезапно проревел, неестественным голосом:

– Не-ет, никуда я не пойду! Боженька поможет мне...

– Дурак! Бога нет! – разбушевался Вадим. – А тебе сейчас придёт кабздец!

– Нет, е-есть!

– Говорю тебе, нету!

– Есть, есть, есть! – впервые в глоссе Кирилла прозвучал намёк на мужество. То была какая-то бешеная, испуганная смелость, загнанного в тупик человека. – Есть, и он спасёт меня!

Вадим подскочил к Кириллу и залепил ему звенящую пощёчину:

– Приди в себя засранец! Надо бежать! Быстро! Встать и бежать, встать и бежать! – кричал он мальчишке прямо в лицо, дёргая за воротник тенниски.

– НЕТ! – рыдая и не поднимаясь с колен, мычал Кирилл. Вадим опешил, получив такой неожиданный и яростный отпор.

– Ну и пропадай тут к чёртовой матери! – проорал он, выпучив от бешенства глаза. – Я уйду без тебя. Хотел помочь, но видно ты просто хочешь поскорее подохнуть. Молись тут дальше. Идиот! Сейчас они придут сюда и расстреляют тебя в упор!

Вадим неторопливо сбежал по лестничке и медленно пошёл к Андрюхе, ощущая неимоверную усталость. Ему было гадко и неприятно. Он злился на слишком доверчивого мальчишку, злился на себя, на жару, на Андрюху, и особенно на Жирного, который, проводя неудачный подкат, порвал ему кеды. Если бы не он – ничего бы этого сейчас не было.

– Ну что там? – с любопытством встретил его Андрей.
– Долбанный фанатик. Он там молится, представляешь? Нет, ты пойми, реально молится. На коленях стоит, – злость потихоньку проходила. – Я такой прибегаю, бежим, говорю, спасаемся, а он качается по полу и голосит: «Отче наш!». Это же какой инфузорией надо быть. Пойдём, полюбуешься на этого кретина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.